

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АРГУМЕНТАЦИИ
В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ КОНЦА XIX ВЕКА
(на материале речи прокурора
в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»)**

М. В. Зрелова¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 24.12.2017 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-7

Рассматриваются языковые средства выражения аргументации в судебном дискурсе на примере обвинительной речи прокурора – литературного героя романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Выявляются логические и психологические виды аргументации, характерные для судебных речей конца XIX века. Такие тексты отличаются сложными тезисно-аргументативными структурами с использованием многообразных прагматико-риторических средств, а также приемов и сложных предложений с разными типами связи. При этом убедительность речи прокурора достигается за счет чрезмерного эмоционального воздействия на присяжных заседателей. Делается вывод, что аргументативная речь судебных ораторов имеет свои отличительные особенности ввиду институционального характера данного дискурса, что предполагает наличие специфических языковых средств. Отмечается, что при употреблении языковых средств прагматико- и логико-риторического характера необходимо учитывать правила уместности их употребления. Злоупотребление риторическими приемами влечет непреднамеренные коммуникативные ошибки, которые могут привести к коммуникативному провалу. Однако в художественном произведении аргументативная речь с подобным набором языковых средств может усиливать не только эстетическое воздействие на читателя, но и композиционную, когнитивную, логическую, иллюкативную, экспрессивно-прагматическую рельефность и выразительность повествования.

Ключевые слова: аргументация, прагматика, риторика, когнитивный подход, судебный дискурс, художественный дискурс, обвинительная речь прокурора.

Интерес ученых к способам убеждающего воздействия при построении аргументированных высказываний, в частности в судебной речи, не перестает расти. Существует множество подходов к изучению аргументации, среди них логический, риторический, диалектический, или прагматодialeктический, когнитивный. «Каждая из этих моделей эффективна в своей области, однако каждая из них в отдельности ограничена и не может дать целостного воспроизведения аргументации в реальном тексте» [2, с. 140]. Целесообразнее изучать аргументацию и языковые средства ее выражения в совокупности подходов. На сегодняш-

ний день языковеды проводят исследования судебных речей «с позиций когнитивной лингвистики, которая позволяет объединить когнитивно- и коммуникативно-дискурсивные аспекты в процессе лингвокогнитивного анализа текста» [1, с. 173]. Однако системная модель аргументации, разработанная В. Н. Брюшинкиным, которую он определяет как «модель аргументации, соединяющую в себе логический, когнитивный и риторический подходы» [2, с. 140–141], на наш взгляд, является наиболее перспективной для анализа аргументации в тексте судебных решений в художественном произведении.

Отметим, что в случае с художественной речью следует говорить не об аргументации как таковой, с которой связывается прежде всего логическая составляющая коммуникативного процесса, а об убеждающем общении. Иными словами, как указывают И. Д. Копцев и Н. В. Кутдинова, убеждающее общение, в отличие от чисто аргументативного, предполагает наличие автосемантических форм речи, с помощью которых формулируется то, что затем становится предметом речевого акта убеждения, то есть аргументации [8, с. 172].

Судебная речь выступает основным способом коммуникации в суде, произносится во время судебного заседания и представляет собой «изложение выводов оратора по данному делу и его возражения другим ораторам (речь прокурора, речь адвоката, речь подсудимого в свою защиту, речь потерпевшего, реплика как особый вид судебной речи)» [1, с. 170]. Перечисленные виды судебных речей мы можем отнести, ссылаясь на К. А. Устинову [13, с. 127], к устным жанрам судебного дискурса, который, в свою очередь, является разновидностью дискурса юридического и, как следствие, обладает ярко выраженным институциональным характером [13, с. 125–126]. Данная особенность судебного дискурса и его жанров позволяет выделить его в качестве специального объекта анализа, что объясняется его когнитивно-дискурсивной спецификой [11].

Судебные речи главных участников судебного заседания — адвоката и прокурора — призваны выполнять следующие функции: «доказать факт виновности/невиновности обвиняемого, убедить состав суда в истинности данного факта и воздействовать на судей и присяжных в процессе судебных прений» [12, с. 5]. Таким образом, судебная речь — это убеждающая речь, поскольку «в основании судебного красноречия лежит необходимость *доказывать* и *убеждать*, то есть, иными словами, необходимость склонить слушателей присоединиться к своему мнению» [7, с. 84]. А убеждающая речь есть результат аргументационной речевой деятельности [12, с. 13], поскольку «*обоснование* и *убеждение* являются фундаментальными принципами аргументации» [4, с. 24].

Исходя из принятой нами системной модели, аргументацию будем понимать как «акт коммуникации, в котором некоторый субъект *сознательно* производит изменения в системе убеждений другого субъекта путем *обоснования* или *опровержения* убеждений» [2, с. 141–142] (курсив автора. — М. З.).

Итак, упомянутые выше функции судебной речи — доказательство, убеждение и воздействие — реализуются посредством использования

рационалистических, логических и риторических методов и приемов, имеющих под собой когнитивную основу, которая и предопределяет выбор тех или иных языковых средств для достижения конечного результата любого судебного процесса.

Наше исследование посвящено анализу языковых средств аргументации в художественном произведении XIX века — романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», в связи с этим необходимо учитывать, что набор языковых средств будет отражать специфику двух дискурсов — художественного и включенного в него судебного, а это значит, что аргументация, являясь средством создания художественного образа [3, с. 106] и будучи интеллектуально-речевой деятельностью субъекта, коррелирует с эстетической функцией языка, предполагающей преобладание разговорной речи и изобразительно-выразительных средств (тропов и фигур), которые и вне художественного дискурса широко используются в судебных речах для эмоционального воздействия на слушающих.

События в романе Ф. М. Достоевского происходят спустя примерно 16 лет после принятия Судебной реформы 1864 года, когда был введен суд присяжных и учреждена присяжная адвокатура. С этого времени в России начинает развиваться судебное красноречие, ставшее составной частью судебного ораторского искусства — эффективным средством воздействия на эмоции реципиентов, которое выступает как необходимый элемент убеждения [6, с. 8, 80–81].

Именно на эмоции суда и присяжных делает ставку прокурор в своей речи, поскольку, «когда какую-либо мысль нельзя доказать логически, оратор пытается воздействовать на чувства слушателей, стараясь этим заменить отсутствие аргументов» [6, с. 81]. Кроме того, прокурор в романе «злоупотребляет предположительными выводами и чрезмерно увлекается психологией, в результате чего обвинение превращается в беллетристику» [10], и «зачастую так увлекается вовлечением публики в ход своих мыслей, что уходит далеко от сути вопроса» [10, с. 32].

Проанализируем содержание речи прокурора на предмет наличия в нем аргументативной составляющей и выявим коммуникативно-прагматические особенности ее построения и стилистическую функцию используемых автором произведения языковых средств. Прежде всего необходимо отметить, что в обвинительной речи судебный оратор использует определенный и весьма разнообразный набор языковых средств и приемов, направленных на убеждение присяжных в виновности подсудимого. Большинство выдвигаемых им тезисов несет второстепенную нагрузку применительно к уголовному делу, а аргументы к ним по своей структуре являются, как правило, сочинительными (когда каждый из доводов, взятый в отдельности, недостаточен для доказательства) и подчинительными (когда аргументы поддерживают друг друга, выступают дополнительными доказательствами).

Следующие примеры демонстрируют логические способы косвенного доказательства и убеждения. Интересно, что в своей речи прокурор не останавливается на, казалось бы, доказанных тезисах, он выдвигает антитезисы, чтобы подкрепить достоверность первых.

Тезис 1: Смердяков не убивал Федора.

Серия аргументов: Обвинять Смердякова в убийстве — совершенный абсурд.

(1.1) «*Видите ли, господа присяжные заседатели, в доме Федора Павловича в ночь преступления было и перебивало пять человек: (1.1.1) во-первых, сам Федор Павлович, но ведь не он же убил себя, это ясно; (1.1.2) во-вторых, слуга его Григорий, но ведь того самого чуть не убили; (1.1.3) в-третьих, жена Григория, служанка Марфа Игнатъева, но представить ее убийцей своего барина просто стыдно. Остаются, стало быть, на виду два человека: подсудимый и Смердяков. (1.1.4) Но так как подсудимый уверяет, что убил не он, (1.1.5) то, стало быть, должен был убить Смердяков, другого выхода нет, ибо никого другого нельзя найти, никакого другого убийцы не подберешь. Вот, вот, стало быть, откуда произошло это “хитрое” и колоссальное обвинение на несчастного, вчера покончившего с собой идиота! Именно только по тому одному, что другого некого подобрать! Будь хоть тень, хоть подозрение на кого другого, на какое-нибудь шестое лицо, (1.1.6) то я убежден, что даже сам подсудимый постыдился бы показать тогда на Смердякова, а показал бы на это шестое лицо, ибо обвинять Смердякова в этом убийстве есть совершенный абсурд» (5, с. 959).*

Данный аргумент назовем аргументом к здравому смыслу и к призыву совести. Он по своей сути является аргументом к логике, но, несмотря на это, имеет сложную структуру, сочетающую множественную и подчинительную аргументации, когда, с одной стороны, аргументы не зависят друг от друга и, в принципе, равноценны, а с другой — поддерживают друг друга. Словами-индикаторами множественной аргументации послужили вводные слова: *во-первых, во-вторых, в-третьих*; индикаторами подчинительной аргументации выступают вводное сочетание *стало быть* и союзы *ибо, так как*.

Риторическими и грамматическими средствами, усиливающими убеждающее воздействие, в приведенных примерах являются: вводное выражение *видите ли* и традиционное для зала судебных заседаний обращение к присяжным — *господа присяжные заседатели* — с целью привлечь их внимание; противительный союз *но* с усилительной частицей *ведь*; частица *вот* в восклицательном предложении; градация (“хитрое” и колоссальное обвинение); лексические повторы).

Многочисленные лексические повторы в речи прокурора (выделены жирным шрифтом) выполняют суггестивную функцию, придают ей больше экспрессивности, что усиливает убеждающее воздействие на присяжных заседателей, поскольку таким образом оратор выделяет ключевое слово, на значение которого нужно обратить внимание. Следует отметить, что лексические повторы являются для обвинителя излюбленным приемом убеждения.

Антитезис 2: Смердяков, замыслив убийство, несмотря на свою трусость, рассказывает все обстоятельства заинтересованному лицу, чтобы заранее снять с себя обвинения.

Аргументы:

(2.1) «*Да, скажут мне, но ведь он сообщил от страха. Но как же это? Человек, не смигнувший задумать такое бесстрашное и зверское дело и потом исполнить его, — сообщает такие известия, которые знает только он в целом мире и о которых, если бы только он об них умолчал, никто и не догадался бы никогда в целом мире. Нет, уж как бы ни был труслив человек, а*

уж если такое дело задумал, то *уже* ни за что *бы* не сказал никому по крайней мере про пакет и про знаки, ибо это значило *бы* вперед всего себя выдать. Что-нибудь выдумал *бы* нарочно, что-нибудь налгал *бы* другое, если *уж* от него непременно требовали известий, а *уж* об этом *бы* умолчал! *Напротив*, повторяю это, если *б* он промолчал хоть только об деньгах, а потом убил и присвоил эти деньги себе, то *никто бы никогда в целом мире* не мог *обвинить его* по крайней мере в убийстве для грабежа, ибо денег этих ведь *никто*, кроме него, не видал, *никто* не знал, что они существуют в доме. Если *бы* даже и *обвинили его*, то непременно сочли *бы*, что он из другого какого-нибудь мотива убил. Но так как мотивов этих за ним *никто* предварительно не приметил, а все видели, *напротив*, что он барином любим, почтен бариновою доверенностью, то, *конечно бы*, его последнего и *заподозрили*, а *заподозрили бы* прежде всего такого, который *бы* имел эти *мотивы*, кто сам кричал, что имеет эти *мотивы*, кто их не скрывал, перед всеми обнаруживал, одним словом, *заподозрили бы сына* убитого, Дмитрия Федоровича. Смердяков *бы* убил и ограбил, а *сына бы* обвинили — ведь Смердякову-убийце *уж конечно* было *бы* это выгодно? Ну, так вот этому-то *сыну* Дмитрию Смердякову, замыслив убийство, и сообщает вперед про деньги, про пакет и про знаки — как это логично, как это ясно!» [5, с. 960—961].

Аргумент к данному антитезису, несмотря на свою сложную логическую структуру, представленный отрицающим модусом условия, выраженным сложноподчиненными предложениями с придаточной частью предполагаемого условия, из-за наличия в нем риторических тропов и фигур: лексических повторов, гиперболы (*в целом мире*), релятива (*Нет, уж как бы ни был труслив человек...*), риторических вопросов и восклицаний — имеет психоэмоциональную основу, и его можно было бы назвать аргументом от условного положения дел.

Кроме того, мы считаем, что данный аргумент не столь очевиден и даже несколько противоречит выдвигаемому тезису, поэтому его можно назвать софистическим.

Итак, подводя итог нашему анализу, можно сделать следующие выводы не только по приведенным примерам, но и по речи прокурора в целом.

1. Речь прокурора по своей структуре — с точки зрения построения аргументации — сложна, сочетает в себе множественную и сочинительную-подчинительную аргументацию. Прокурор, на наш взгляд, так строит свою речь осознанно, потому что, возможно, учитывает разнородность аудитории или не уверен в достаточности только одного довода, поэтому, как отмечают исследователи, «его речь иронична, что проявляется в тщательной передаче многословных, тяжеловесных, иногда спекулятивных инсинуаций по поводу мотивов убийства» [10, с. 33]; также прокурор «злоупотребляет предположительными выводами и чрезмерно увлекается психологией» [9].

2. С точки зрения выбора аргументов прокурор использует традиционные для того времени виды аргументации — как логические, так и психологические, при этом последними, на наш взгляд, злоупотребляет.

3. Обвинительная речь является классическим примером диалогизации монологического высказывания за счет употребления глаголов, побуждающих к действию (*вспомните; вспомним; уговоримся заранее: вы мне не верьте... но все-таки кое-что из слов моих не забудьте; заметьте и т.д.*); лекторского *мы*, которое объединяет оратора и состав суда в про-

цессе поиска истины («никогда бы мы без нее не узнали»; «И что же мы читаем почти повседневно?» и т. д.); приведением в своей речи несобственно-прямой и прямой речи свидетелей или участников судебного процесса («на заднем дворе без сапожек», как выразился давеча наш почтенный и уважаемый согражданин») и т. д.

4. Речь богата усилительными частицами и междометиями, которые используются как дополнительные средства придания речи эмоциональности: междометие *о* в восклицательных предложениях (частота употребления в речи прокурора — 42 раза), частицы *все-таки* (18 раз), *все же* (13 раз), *разве* (11 раз), *неужели* (2 раза).

5. Кроме того, аргументативная речь обвинителя богата прагматико-риторическими приемами коммуникации: речевые клише, характерные для судебного слушания, риторические вопросы, восклицания, повторы, тропы (метафоры, эпитеты, гиперболы). Отдельное внимание прокурор уделяет иронической форме изложения и анализа материалов суда, что придает его речи еще большую остроту и убедительность, несмотря на наличие судебных ошибок и неполную состоятельность приводимых аргументов.

В заключение добавим, что проведенный анализ доказал, что аргументативная речь судебных ораторов имеет свои отличительные особенности ввиду того, что судебный дискурс, являясь дискурсом институциональным, предполагает наличие вышперечисленных языковых средств. При этом применять языковые средства прагматико- и логикориторического характера необходимо с учетом правил уместности их употребления и ориентацией на собеседника. Злоупотребление риторическими приемами влечет за собой непреднамеренные коммуникативные ошибки, которые в последствии могут привести к коммуникативному провалу. Однако в художественном произведении аргументативная речь с подобным набором языковых средств усиливает не только эстетическое воздействие на читателя, но и композиционную, когнитивную, логическую, иллюкативную, экспрессивно-прагматическую рельефность и выразительность повествования.

Список литературы

1. Бачалиашивили О. В. Аргументация как речевое действие в судебном дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Вып. 4, т. 1. С. 169–175.
2. Брюшинкин В. Н. Системная модель аргументации // Трансцендентальная антропология и логика : труды международного семинара «Антропология с современной точки зрения» и VIII Кантовских чтений. Калининград, 1999. С. 137–160.
3. Волков А. А. Теория риторической аргументации. 2-е изд., испр. и доп. М., 2013.
4. Демина Л. А. Теория и практика аргументации : учеб. пособие. М., 2014.
5. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М., 2016.
6. Ивакина Н. Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов) : учеб. пособие. 2-е изд. М., 2007.
7. Кони А. Ф. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1: Статьи и заметки. Судебные речи. М., 1958.
8. Коцев И. Д., Кутдинова Н. В. К прагматике аргументативной речи в художественном дискурсе (на материале романа Т. Манна «Будденброки») // РАЦИО.ru. 2013. №11. С. 168–186.

9. Котов С.Л. Что имел в виду Достоевский? Российская адвокатура в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». 2014. URL: http://kotov-s-l.livejournal.com/#kotov_s_l262906 (дата обращения: 14.11.2017).

10. Нестеренко К.В. Анализ речей как способ характеристики героев и воссоздания фрагмента наивной картины мира «суд» (на примере романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы») // Научно-методический журнал. ХНПУ. 2012. №1–2 (46). С. 32.

11. Основы судебного речеведения : монография / под ред. М.В. Горбаневского. М., 2003.

12. Пиринова Н.В. Когнитивная обусловленность и стилевое своеобразие судебных речей Ф. Н. Плевако : дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2006.

13. Устинова К.А. Институциональные признаки судебного дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 60, №33. С. 125–127.

Об авторе

Зрелова Маргарита Валерьевна, соискатель, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: libra_05@mail.ru

Для цитирования:

Зрелова М.В. Языковые средства выражения аргументации в судебном дискурсе (на материале речи прокурора в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы») // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №1. С. 86–93. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-7.

LINGUISTIC MEANS EXPRESSING ARGUMENTATION IN JUDICIAL DISCOURSE LATE 19th: THE PROSECUTOR'S SPEECH IN DOSTOEVSKY'S *THE BROTHERS KARMAZOV*

M. V. Zrelova¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal
14 A. Nevskogo Str., Kaliningrad, 236041, Russia
Submitted on December 24, 2017
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-7

*This article analyses linguistic means of expressing argumentation in judicial discourse as used in the prosecutor's speech in F.M. Dostoevsky's *The Brothers Karamazov*. The author identifies logical and psychological types of argumentation characteristic of the 19th-century courtroom speeches. Such speeches use a complex structure of theses and arguments and employ various pragmatic and rhetorical means and devices alongside compound and complex sentences. The force of persuasion of the prosecutor's speech depends on its emotional effect on the jury. The author concludes that the distinctive characteristics of speeches delivered to present arguments in court stem from the institutional nature of this type of discourse and the use of specific linguistic means. When employing pragmatic and logical and rhetorical linguistic means, it is necessary to follow the rules of usage and consider the suitability of such means. An excessive use of rhetorical devices leads to unintended communicative mistakes and may cause a communicative failure. In a work of fiction, such a use of a linguistic means can contribute to the overall aesthetic effect as well as to the compositional, cognitive, logical, illocutive, expressive, and pragmatic expressiveness of the narrative.*

Key words: *argumentation, pragmatics, rhetoric, cognitive approach, judicial discourse, literary discourse, prosecutor's speech.*

References

1. Bachaliashvili, O.V., 2013. Argument as the speech act in the judicial discourse. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the A. S. Pushkin Leningrad State University], 4(1), pp. 169–175.
2. Brjushinkin, V.N., 1999. The system model of argumentation. In: *Transcendental'naja antropologija i logika: Trudy mezhdunarodnogo seminara «Antropologija s sovremennoj točki zrenija» i VIII Kantovskih čtenij* [Transcendental Anthropology and Logic: Proceedings of the International Seminar "Anthropology from a Modern Perspective" and the VIII Kantian Readings]. Kaliningrad. pp. 137–160.
3. Volkov, A. A., 2013. *Teorija ritoricheskoj argumentacii* [The theory of rhetorical argumentation]. Moscow.
4. Demina, L. A., 2014. *Teorija i praktika argumentacii: uchebnoe posobie* [Theory and practice of argumentation: a tutorial]. Moscow.
5. Dostoevskij, F. M., 2016. *Brat'ja Karamazovy* [The Brothers Karamazov]. Moscow.
6. Ivakina, N.N., 2007. *Osnovy sudebnogo krasnorečija (ritorika dlja juristov)* [Foundations of forensic eloquence (rhetoric for lawyers)]. Moscow.
7. Koni, A.F., 1958. *Izbrannye proizvedenija. Tom 1. Stat'i i zametki*. Sudebnye reči [Selected works. Vol. 1. Articles and notes. Forensic speech]. Moscow.
8. Koptsev I.D., Kutdinova N.V. 2013. To speech pragmatic argument in the artistic discourse (on the material of the novel of T. Mann "Buddenbrooks"). *RACIO.ru*, 11, pp. 168–186.
9. Kotov, S.L., 2014. *Čto imel v vidu Dostoevskii? Rossijskaja advokatura v romane F. M. Dostoevskogo «Brat'ja Karamazovy»* [What did Dostoevsky mean? Russian bar in the novel F. M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov"]. Available at: http://kotov-s-l.livejournal.com/#kotov_s_1262906 [Accessed 23 June 2017].
10. Nesterenko, K.V., 2012. Analysis of speeches as way characteristics of the characters and recreate the fragment of the naive picture of the world "the court" (on the novel by F. Dostoevsky "The Brothers Karamazov"). *Nauchno-metodičeskij žurnal* [Scientific-methodical journal], 1–2(46), pp. 32.
11. *Osnovy sudebnogo rečevedenija: Monografija / Pod red. prof. M.V. Gorbanevskogo*. [The Foundation of the court receivedany: Monograph / Under the editorship of Professor M. V. Gorbanevskaya]. Moscow, 2003.
12. Pirinova, N.V., 2006. *Kognitivnaja obuslovlennost' i stilevoe svoeobrazie sudebnyh rečej F. N. Plevako* [Cognitive conditionality and the stylistic peculiarity of the judicial speeches of F. N. Plevako]. Cand. philol. sci. diss. Taganrog.
13. Ustinova, K. A., 2011. Institutional characteristics of judicial discourse. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologija. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Ser.: Philology. History of Art], 33(60), pp. 125–127.

The author

Margarita V. Zrelova, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: libra_05@mail.ru

To cite this article:

Zrelova M. V. 2018, Linguistic Means Expressing Argumentation in Judicial Discourse late 19th: The Prosecutor's Speech in Dostoevsky's The Brothers Karamazov, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 1, p. 86–93. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-7.